
Дмитрий Алексеевич Мачинский (1937–2012)

Дмитрий Алексеевич Мачинский, для меня Дима, был одним из тех немногих, кто совершал, не столько в археологии, сколько в изучении глубокого прошлого нашей страны, принципиальные сдвиги. Когда ведущие археологи строили парадную и великолепную историю происхождения славян из центральных очагов Украины через самые яркие и богатые культуры, он вместе с Марком Щукиным смело прорывался к истине, отыскивая реальные корни славян по соседству с балтами в лесах и болотах Белоруссии и на севере Украины, не стесняясь скромных памятников. В призвании варягов он не видел ущерба для национальной гордости, а Старую Ладогу он первым провозгласил первой столицей Руси. И первым центром проникновения на Русь европейских ценностей.

Для многих молодых археологов он был и остается Учителем с большой буквы, хотя он никогда не обращал внимания на чины и звания и, сделав массу великолепных работ, из самых цитируемых в археологии Средневековья, так и не удосужился защитить ни одной диссертации, не получил научных степеней и званий. Просто не тратил на это времени. Он не был ни кандидатом, ни доктором, ни профессором. Он был ученым. Вместо диссертации он имел нечто гораздо более ценное и редкое — репутацию. Это то, чем в нашей стране владеют очень немногие.

И это была не только репутация ученого, это была репутация гражданина. Он был соучредителем «Мемориала», истовым почитателем Цветаевой, бескомпромиссным борцом со сталинизмом, который он считал сопринципальным нацизмом. Как обидно, что он уходит как раз тогда, когда то, за что он боролся всю жизнь, появление у русских людей чувства собственного достоинства, внезапно стало отчетливо вырисовываться на горизонте.

Мачинский был очень страстным человеком, нередко конфликтным и не всегда справедливым. Но и те, кого он не по делу обидел, признают чистоту его помыслов и его яркий талант ученого.

В науке он ощущал свою ответственность за ее состояние, за ее будущее. Он ведь был потомственным археологом — и отец, Алексей Владимирович, был археологом (погиб на фронте), и мать, Нина Анатольевна Винберг, — археологом, директором библиотеки Института истории материальной культуры Академии наук. Происходя из дворянства, Мачинский не кичился этим, но и не стеснялся. Это просто укрепляло в нем чувство ответственности — не только за науку, но и за историю, за памятники древности, за все культурное достояние страны и народа. Среди его предков был знаменитый адвокат и оратор, из «первого призыва» русских адвокатов, Николай Платонович Карабчевский. По материнской линии предками были шведы, переселившиеся в Россию, и в числе его шведских родственников был Раднер Сульман, душеприказчик Нобеля и многолетний глава Нобелевского фонда.

Мачинский был, безусловно, патриотом, видел в русском народе великую миссию в Восточной Европе, частично выполненную, частично предстоящую, но сознавал, что ее надо заслужить. При этом он не был шовинистом, признавал и достоинства за другими народами. И за всеми (в том числе и за русским) — недостатки, которые надо выявлять, чтобы изживать. Прослушав его дифирамбы о великой миссии русского и другим народов, я как-то спросил его: «А какую же роль вы отводите евреям?». Он ответил: «А вы — соль земли».

Конечно, это было связано с его библейскими чтениями. Он был верующим человеком и мистиком. Верил, что полной смерти нет. Что душа остается жить, когда тело истлевает. Что мертвые слышат живых.

Я атеист и верить в это, увы, не могу. Но для меня несомненно: Мачинский остается с нами, он остается жить — в своих произведениях, в своих учениках, в основанных им благородных традициях и в нашей благодарной памяти.

Л. С. Клейн